

Ноября 22 (5 декабря)

Преподобноисповедница Параскева (Матиешина)

Преподобноисповедница Параскева родилась 28 октября 1888 года в селе Песчаное Каменец-Подольского уезда Подольской губернии в крестьянской семье Федора и Матроны Матиешиных.

Семья была религиозной, благочестивой и патриархальной. «По вечерам мы не знали другого времяпрепровождения, как чтение Священного Писания или житий святых, и не представляли, что может быть иначе», – вспоминала матушка. Еще в младенческом возрасте она пережила первое значительное событие духовной жизни. Ей было три года, когда ее стали приучать к посту. Сначала девочка не хотела поверить, что Великим постом нужно отказаться от любимого молока, просила его, капризничала. Но через день сильно заболела и почувствовала связь между болезнью и нежеланием соблюдать пост, поняла, что пост – это серьезно. Тогда она дала свое первое обещание Богу: постом никогда не пить молока. Через два дня она поправилась и с этого времени всегда легко и с радостью постилась.

Примерно в том же возрасте проявилась в девочке любовь к богослужению и церковному пению. Однажды в церкви Великим постом на нее особенное, глубокое впечатление произвело пение «Аллилуиа». Когда оно закончилось, Параскева заплакала. Вернувшись домой, она пропела его матери по памяти и запомнила на всю жизнь.

Грамоте ее выучил дед Амвросий по Библии. Впоследствии она очень хорошо знала Священное Писание, но особенно любила читать послания Апостолов и Евангелие от Иоанна Богослова. Она называла его невидимым первым руководителем в духовной жизни: «Во время его чтения так делалось сладко и хорошо на душе, и я забывала о земле и о земном. Я даже выразить не умею, как мне было хорошо».

Когда Параскеве исполнилось восемь лет, умерла мать, за нею бабушка и младшая сестренка. После отца Параскева стала главной работницей в доме. Отправляясь вместе на работу, они любили по дороге петь псалмы.

У отроковицы рано появилось желание пойти в монастырь. Бабушка не позволяла ей об этом и думать. Нашелся и жених. Но Параскева ласково объяснила молодому человеку, что замуж не пойдет, потому что собирается в монастырь. Молодой человек последовал ее примеру, уехал на Афон и принял монашеский постриг.

Бабушка говорила Параскеве, что ей не вынести трудностей монастырской жизни. Девушка стала усиленно поститься и работать над собой, чтобы приготовить себя к лишениям. Она еще и мучила себя: например, вкладывала в обувь щепки, чтобы приучиться терпеть боль. Наконец, бабушка разрешила ей уйти в монастырь, убедившись, что жизнь в миру пользы внучке не принесет.

Узнав адрес миссионерского монастыря, в который принимали без внесения денежного вклада, Параскева написала туда письмо и, получив согласие на приезд, вместе с подругой ушла из дома. Это было в 1907 году. Почти без денег, легко одетые, подчас голодные, претерпев много лишений, девушки чудом добрались до Теолинского Спасо-Преображенского монастыря Августовского

уезда Сувалкской губернии, расположенного в 25 верстах от станции Гродно, и были приняты послушницами.

Еще до поступления в монастырь Параскева просила у Господа указания, куда ей пойти. Однажды увидела она во сне икону Божией Матери, сиявшую ослепительным светом, стоявшую углом на солее и окруженную синей лентой, на которой была надпись: «В этом монастыре ты будешь жить». Но в Теолинском монастыре она не нашла ничего подобного.

Через несколько лет Параскева отпросилась на побывку домой. По дороге заехала в Турковичский монастырь Варшавско-Холмской епархии, где была чудотворная икона Божией Матери. Дорога была трудная, она измучилась и заболела. Пришлось задержаться в монастыре. И здесь, когда чтимую икону перенесли в зимний храм и поставили наискосок на солею, Параскева, войдя в церковь, узнала увиденное во сне. В 1912 году ее приняли в число сестер Турковичской обители.

В 1914 году, при занятии немцами Польши, монастырь эвакуировался в Москву, затем в Дмитров. В 1918 году, после окончания войны, монастырь возвратился в Турковичи, а послушница Параскева была оставлена для отправки монастырского имущества вслед за уехавшими. Однако вскоре Турковичский монастырь прекратил свое существование, и Параскева осталась в Дмитрове, сняла квартиру на окраине города в селе Подлипичье и прислуживала в местном храме Казанской иконы Божией Матери.

Один крестьянин попросил Параскеву обучить свою дочь церковному пению. К ней присоединились другие. Хор девочек стал быстро расти, его численность достигла 60 человек, и стало два хора. Параскева не только преподавала пение, но наставляла учениц в Законе Божиим, объясняла, как жить по-христиански. Она считала не нужной излишнюю нежность в воспитании, потому что это расслабляет душу, была внешне несколько сурова к своим ученицам, но любила их, как родных дочерей.

В 1920 году Параскева познакомилась с Дмитровским епископом Серафимом (Звездинским) и стала его духовной дочерью. Владыка сурово вел ее в духовной жизни, но другим говорил о ней с уважением. В дневнике матушки сохранилась такая запись: «Молитвами святого старца моего, доброго окормителя и мудрого водителя на многоволненном пути житейского моря, я теперь благодумствую и пою: утвердися сердце мое во Господе. Теперь Господь показал мне, как мудро вел меня от тьмы к свету отец мой. Радуюсь и благодарю Бога, давшего мне столь мудрого авву, благодарю старца своего, что вел меня так, а не иначе, хотя признаюсь, весьма было трудно и болезненно, когда господин мой старец так беспощадно лишал пищи мое самолюбие. Сколько муки и борьбы тогда было в моем беспокойном, самолюбивом и лукавом сердце. Теперь я опытом познала, как тяжела и упорна битва, когда борются самолюбие и любовь. И теперь я радостным взором смотрю, как любовь и преданность старцу низложили самолюбие, саможаление и самоцен, и вижу сих бездушных истуканов разбитыми, которым так недавно я все еще поклонялась. Я со многими слезами благодарным сердцем многократно лобызаю стопы моего мудрого старца, этого второго кроткого Давида, так просто и метко поразившего во главу моего Голиафа. Теперь я смотрю, как трудно остаться верным чадом отцу своему, духовному окормителю, когда он с корнем вырывает самолюбие, когда он распинает или умерщвляет ветхого человека: на этом пути не выдержит ни один падший сын Адамов, если не поддержит Десница свыше молитвами старца».

Епископ Серафим в 1921 году постриг Параскеву в рясофор, не переменяв ей имени, и определил в Спасо-Влахернский монастырь.

После пострига инокия Параскева поселилась в Спасо-Влахернском монастыре, а вскоре на имя владыки поступило прошение прихожан Казанской церкви села Подлипичье вернуть инокиню Параскеву в Дмитров для продолжения обучения детей их прихода чтению и пению. Они обещали обеспечить ее квартирой и продовольствием. 25 июля 1921 года епископ Серафим написал резолюцию: «Согласно усиленной просьбе крестьян, в целях укрепления веры и Слова Божия, инокия Спасо-Влахернского монастыря Параскева Матиешина за святое послушание вызывается из обители для миссионерской работы в деревне, числясь в то же время в числе сестер Спасо-Влахернского монастыря. Надеюсь и уверен, что матушка игуменья и сестры отпустят инокиню Параскеву из обители без тени какого-либо ропота или недовольства и с радостью благословят ее на великое Божие дело, памятуя тяжкое время неверия, ныне переживаемое, памятуя, как преподобный Сергей из своей обители отпустил двух иноков на защиту Церкви Святой от нападения вражеского...»

27 ноября 1921 года инокия Параскева была посвящена владыкой по древнему чину в диакониссы, на алтарное служение. С этого времени она стала прислуживать в Казанской церкви села Подлипичье, в которой очень часто служил епископ Серафим и возле которой он жил. Ведя Параскеву к духовному совершенствованию путем строгим, мудрый старец считал ее одной из близких своих духовных дочерей.

Инокия Параскева Матиешина

«Не умею выразить словом, как многополезна, утешительна моя последняя поездка к моему господину старцу, – писала в дневнике инокия Параскева. – Мир, радость, спокойная совесть, освобожденная от пленниц греха, просветление ума и сердца, перемена во всем существе моем, словно я другая. Господи, какое

благо даровано падшему – покаяние. Какая великая власть дана святым апостолам вязать и решить. Благословен тот час и день, когда Господь приводит предстоять честнейшему лицу святого старца и принимать столь непостижимые Тайны. О, глубина премудрости! О, бездна милосердия! Я, маленькая песчинка, теряюсь в этой бездне: ничтожная, скверная, преступная, оплеванная, изувеченная, изнуренная и изможденная грехом, растерзанная и изможденная своим неразумием, опять оживленная, успокоенная, исцеленная, поднятая, очищенная, одетая. Видя такие дары, туне даваемые лишь по единому милосердию Божию, что можно сказать или как возблагодарить? Нет слов. Тут бранные уста смыкаются. Да молчит всякая плоть и да стоит со страхом и трепетом. О, если бы и всегда пред очами Божиими ходить со страхом и трепетом, но как грустно, обидно, но вместе и преступно, получая такие дары и такую милость, паки опутываться пленницами греха, как страшно, как страшно за свою немощь и непостоянство. Боже мой, Боже мой, как же мне быть: я так слаба, так непостоянна, так грехолюбива. О, поддержи, подкрепи, не дай мне пасть, затвори хляби греха и положи предел, да не прогневаю Тя больше и да хожу во Истине Твоей молитвами старца моего и всех святых».

Много трудов положила матушка Параскева в Дмитрове, созидая и церковный хор, и души своих учениц. В 1924 году она была вызвана в ОГПУ, где ей приказали прекратить занятия. Но и после этого, не имея возможности учить девушек, она не оставила попечения о них и руководства хором. В 1928 году, спустя десять лет после основания хора, она написала слово к своим певчим: «Слава Богу за все, как всегда в скорби и радости говорил великий иерарх святитель Иоанн Златоуст. Скажем же и мы от всей души эти слова в десятую годовщину нашего пения: вот, слава Богу, десять лет прокатилось с того дня, когда мы впервые начали наше пение, наше славословие в вышних Богу, Творцу неба и земли, Отцу светов, от Которого всякое даяние и всяк дар исходят... Всякое дыхание и вся тварь да хвалит Господа, как говорится в одной молитве церковной; Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе хвалит вся тварь. И какое же счастье нам даровал Господь, и мы, маленькие люди, тоже поем, славим и хвалим Творца... Да, деточки мои во Христе, родные, милые, великое счастье славить, петь, хвалить Господа. Но оглянемся мы назад и просмотрим наши протекшие годы и подумаем, достойно ли мы славили, хвалили, благословляли и благодарили Господа? Всегда ли исполняли этот честный долг пения с любовью, со вниманием, с миром и благоговением? Не пели ли мы иногда недостойными усты, с досадою в сердце, с негодованием, невниманием, огорчением и озлоблением? Увы, о горе, с грустью и сожалением надо сказать, что за эти десять лет много недостатков и много грубых ошибок вижу я прежде всего в себе. Все вышеупомянутые грехи имели широкий простор в моем грехолюбивом сердце; и, видя себя столь негодной, я всегда трепетала от страха, не заразить бы мне этими грехами ваши юные души, ибо знала я по собственному опыту и из книг Священного Писания, что грехи и страсти, как зловонная зараза, как проказа, заразительно и разрушительно действуют на душу ближнего. Вот я всегда и боялась, дабы не соблазнить единого из малых сих, ибо знала страшный приговор соблазнительям, что лучше бы обесити ему жерновный камень и потопить в глубине морской, нежели соблазнить одного из малых сих. Теперь десять лет, как я живу и вращаюсь среди вас, и благодарю всегда Бога, что Он умудрил вас покрыть любовью все мои немощи, все мои недостатки, ибо одна лишь любовь все покрывает и никогда не отпадает. Она всегда верна: так и вы,

деточки, горящие любовью Христовой, пребыли со мною верны во всех моих скорбях и напастях, злключениях и гонениях. Не поколебали вашей верности и любви ни клевета, на меня возведенная, ни поношения, которые часто падали из-за меня и на вас. Все это я видела и чувствовала, хотя никогда вам об этом не говорила. А не говорила потому, что знаю и твердо верю, что есть Всевидящее Око, Которое видит все и воздаст за все. Благодарю вас, девочки, за все: за любовь, покорность, за смирение и терпение, за постоянство и труд и молю Господа, дабы утвердил Он вас в правой вере и благочестии и дабы было бессмертно ваше пение, возносилось бы вечно от уст и сердец ваших вечное славословие во веки веков».

Закрытие в 1928 году Спасо-Влахернского монастыря не изменило жизни матушки. Она продолжала прислуживать в Казанской церкви. «Параскева – пятницу страданий Христовых помни», – писал ей владыка. Памятуя благословение своего аввы в ночь воспоминания святых спасительных Страстей Христовых читать 150 раз молитву «Отче наш», матушка в Великую Пятницу 20 апреля 1929 года всю ночь провела в молитве, вычитывая еще раз всю службу с размышлением и затем правило, назначенное владыкой. И тогда первый раз в жизни поняла, что «куплена Ценою, что все члены мои назnamenованы печатью страданий Христа».

27 мая 1931 года инокиня Параскева была арестована. На вопросы следователя она отвечала: «Я лишена избирательных прав как монахиня. В монастырь я поступила в 1912 году в Холмской губернии... Пробыла до 1914 года, потом нас всех монашек перевезли в Москву, где мы и находились до 1918 года. В 1918 году я приехала в Дмитров. Сняла квартиру в Подлипецкой слободе и прислуживала в церкви. Участвовала в хоре, обучала детей церковному пению. В 1924 году меня вызвали в ОГПУ и воспретили обучать девушек церковному пению. С тех пор я кончила занятия с девушками и была хору как руководительница. Себя я в антисоветской деятельности виновной не признаю».

28 июня 1931 года тройка ОГПУ приговорила инокиню Параскеву к 5 годам ссылки в Казахстан. Перед отъездом матушка сподобилась видения святых апостолов Петра и Павла, которые благословили ее и ее спутников.

Параскеву привезли сначала в Алма-Ату, а затем определили на работу неподалеку от города: она была поварихой в большой рабочей артели, состоявшей из ссыльных. За проявляемые ею к рабочим заботу и сострадание они называли ее сестрой. Спустя некоторое время инокиню перевели в Алма-Ату. На государственную работу устраиваться не стала, поскольку за несколько месяцев, проведенных в артели, была истощена – питалась чем придется.

В Алма-Ате матушка неожиданно встретила со своим духовным отцом, епископом Серафимом, направленным туда в ссылку в августе 1932 года. Он прожил в городе три месяца, и матушка могла в это время утешаться совместными молитвами и духовными советами своего аввы.

Вскоре ее перевели в город Барабинск. Питалась она большей частью лепешками, которые ссыльные пекли из муки собственного помола, изготовленной из зерен колосков, подобранных в поле после уборки урожая.

Ссылка окончилась в 1935 году, и матушка, сильно ослабевшая и больная, поселилась в Астрахани, а затем переехала в город Кирсанов Тамбовской области. Узнав о болезнях инокини Параскевы, воспитанницы позвали ее в Дмитров, поближе к родным местам. Здесь ее застала война и связанный с нею голод. Матушка заболела абсцессом легких и тяжело страдала. Лекарства не

помогали, состояние ее считали безнадежным. Она уже готовилась к смерти, но однажды ночью во второй раз сподобилась видения святых апостолов Петра и Павла. Апостол Петр обещал ей выздоровление и, подавая ключи, бывшие у него в руках, сказал: «Ты еще будешь этими ключами открывать церковные двери в Подлипичье». С этого дня, вопреки ожиданиям врачей, матушка стала поправляться. Окрепнув, она поехала на Украину к родным, которые приняли ее очень радушно. Поправившись, она вернулась в Дмитров, где вновь стала трудиться в Казанской церкви Подлипичья, отпирала ее по утрам, читала, пела и управляла своим хором. Сначала ей нашли комнату недалеко от церкви. Но вскоре пришлось найти другое жилье, дальше от храма. Матушке каждый день приходилось по дороге в церковь подниматься в гору. Со временем это для нее становилось все труднее.

Во все годы ее жизни к инокине Параскеве тянулись души, ищущие Бога. Матушка терпеливо выслушивала приходивших и затем давала ответ.

Со временем здоровье матушки вновь пошатнулось. Возобновился абсцесс легкого. Прибавились артрит, фурункулез. Она со смирением старалась лечиться. На время ей стало легче, но болезнь не прошла. В церковь удавалось ходить все реже и реже. Она потеряла квартиру в городе, и пришлось переехать в деревню Бирлово. Больная нуждалась в уходе, который там никто не мог ей обеспечить. С ней случился паралич, и она стала совсем беспомощной. Страдания матушки были очень велики, особенно от нарывов и пролежней.

Инокля Параскева скончалась в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря 1953 года и была погребена на кладбище города Дмитрова.

Всю свою многоскорбную жизнь она осуществляла то, чему была научена и чему всех постоянно учила: «Будьте смиренны, Христу Спасу подобны».

11 сентября 2001 года были обретены святые мощи преподобноисповедницы Параскевы. 30 сентября состоялось их торжественное перенесение из Борисо-Глебского Дмитровского монастыря в Спасо-Влахернский женский монастырь в селе Деденево Дмитровского района.

Протоиерей Максим Максимов

Библиография

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь». Тверь, 2003 год, стр. 202-212.